

ее возлюбленных — Штейнбаха и аристократа Нелидова. В образе Мани Ельцовой В. стремилась смоделировать образ «новой женщины», которую безуспешно искал в обликах своих возлюбленных Андрей Тобольцев. Один из идейных учителей героини так говорил о сути новой Морали, заключенной в этом женском типе: «Не поступайтесь своей мечтой и желанием ни из страха, ни из долга, ни из сострадания... Пусть камни летят в вашу голову за то, что вы имеете слабость говорить, чувствовать и поступать вне шаблона! <...> Если вы утром целовали мужа, а вечером желание толкнет вас в объятия другого, повинуйтесь вашему желанию... В этом вся правда жизни. Помните главное: нет судьи в этих вопросах, ваше тело, ваши чувства, ваша жизнь принадлежат вам!.. Вам одной!» Трагический финал романа свидетельствовал о том, что писательница осталась верна худож. правде. «Новая женщина», нищезанка, легко переступающая через чужие жизни, осталась лишь теоретической фантазией героев романа.

«Ключи счастья» также стали романом-бестселлером. В 1913 режиссеры В. Рардин и Я. Протазанов осуществили его экранизацию, ставшую самой кассовой лентой дореволюционного русского кинематографа. Большинство критиков негативно оценили роман, отметив усиливающуюся писательскую небрежность В. Ее отступление от реалистической манеры письма, попытки соединить социальную и нравственную проблематику с авантурным сюжетом они сочли отказом от традиций «высокой» лит-ры и скатыванием до уровня «бульварного чтива». К. Чуковский увидел в романах В. «сочетание Рокамболя и Дарвина, Пинкертон и Маркса». Критик Тан (В. Г. Богораз) назвал героиню «Ключей счастья» «Санниным в юбке». Единственными, кто оценили общественную роль произведений В., хотя и не замалчивали их худож. недочеты, были критики-марксисты. «При всей наивности форм,— писал А. Луначарский,— Вербицкая, несомненно, является идеалисткой в положительном смысле этого слова <...> именно жажда красивой, более прямой, более героической жизни заставила потянуться к ней читателя, сбитого с толку, может быть, очень художественными, но мрачными, лишенными всякого живого чувства произведениями корифеев тогдашней литературы».

После 1914 В. вступила в полосу творческого кризиса. Худож. метод, с успехом примененный в «Духе времени» и «Ключах счастья», уже исчерпал себя. Во второй половине

1910-х В. работала над историческим романом «Иго любви» (ч. 1–2: «Актриса», «Огни заката». 1914–16), посвященном романтической версии судьбы ее бабушки — известной провинциальной актрисы А. Н. Мочаловой (Бушуйкиной). 3-я часть романа — «Спешите жить» (1920) — осталась неопубликованной.

После 1917 лит. карьера В. прервалась. Сложенная еще в дореволюционные годы легенда о порнографичности ее книг повлекла за собой постановления о запрещении дальнейшего издания произведений В. и изъятии из библиотек имеющихся там изданий. В. очень бедствовала, работала в детской литературе под псевдонимами А. Алексеева, Румшевич, Ольгович, тщетно стараясь приспособиться к новой социальной проблематике.

В. скончалась от болезни сердца и была похоронена на Новодевичьем кладбище.

Соч.: Иго любви. М., 1992; Ключи счастья: в 2 т. СПб., 1993; Дух времени. СПб., 1993.

Лит.: Чуковский К. Вербицкая // Чуковский К. СС: в 6 т. Т. 6. Статьи 1906–68. М., 1969; Зорская Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–10. М., 1976; Грачева А. М. Анастасия Вербицкая: Легенда, творчество, жизнь // Лица: Биографический альбом. М.; СПб., 1994. Вып. 5; Андреева О. В. Своеобразие элементов дереализации в романе А. Вербицкой «Ключи счастья» // Филол. штудии. Иваново, 1999. Вып. 3; Казакова И. И. Вербицкая А. А. // Русские писатели: Биографический словарь. М., 2000. С. 145–147.

А. М. Грачева

ВЕРЕСАЕВ (настоящая фамилия Смидович) Викентий Викентьевич [4(16).1.1867, Тула — 3.6.1945, Москва] — писатель, поэт-переводчик, литературовед.

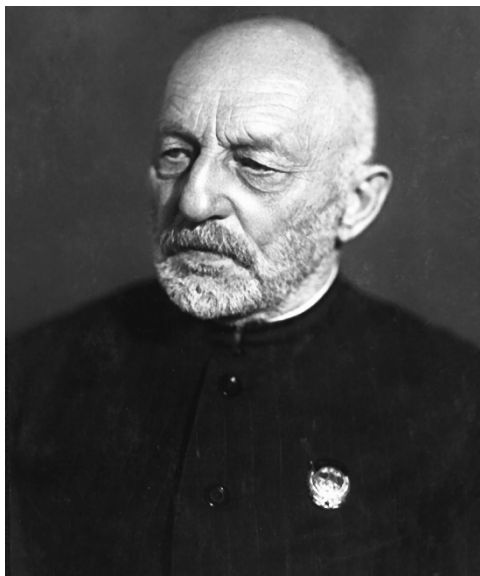
Родился в семье врача. Его родители, Викентий Игнатьевич и Елизавета Павловна Смидовичи, большое значение придавали религиозно-нравственному воспитанию детей, формированию у них чувства ответственности перед людьми и самими собой. Еще в годы учебы в Тульской классической гимназии В. всерьез увлекается историей, философией, физиологией, проявляет живой интерес к христианству и буддизму.

Окончив гимназию с серебряной медалью, В. в 1884 поступает на филол. ф-т Петербургского ун-та (историческое отделение). Первое выступление В. в печати относится к 1885, когда он (под псевдонимом В. Викентьев) опубликовал в ж. «Модный свет и модный магазин» стихи. «Раздумье». Началом своей настоящей лит. работы В. неиз-

менно считал рассказ **«Загадка»** (1887), в котором затронута тема преодоления человеком одиночества, зарождения в нем отваги, воли к жизни и борьбе. «Пускай нет надежды, мы и самую надежду отвоюем!» — таков лейтмотив рассказа.

После успешного завершения учебы на филол. ф-те В. в 1888 поступает в Дерптский (ныне — Тартуский) ун-т на медицинский ф-т. В автобиографии он так объяснял это решение: «Моею мечтою было стать писателем, а для этого представлялось необходимым знание биологической стороны человека, его физиологии и патологии; кроме того, специальность врача давала возможность близко сходиться с людьми самых разнообразных слоев и укладов». В Дерпте были написаны рассказы **«Порыв»** (1889), **«Товарищи»** (1892). Наиболее значительным произведением этого периода является повесть **«Без дороги»** (1894), которой В., по его словам, вступил в «большую» лит-ру. Герой повести, земский доктор Чеканов, выражает мысли и настроения того поколения интеллигентов, у которого, как считал тогда В., «ничего нет»: «Без дороги, без путеводной звезды, оно гибнет невиднo и бесповоротно... Безвременье придавило всех, и напрасны отчаянные попытки выбиться из-под его власти». Одной из определяющих в повести следует считать мысль героя и самого автора о «пропасти», разделяющей народ и интеллигенцию: «Мы всегда были им чужды и далеки, их ничто не связывало с нами. Для них мы были людьми другого мира...» Финал повести тем не менее неоднозначен. Чеканов, жертва эпохи «безвременья», неотвратимо погибает, исчерпав весь свой духовный потенциал, испробовав все «рецепты». Но умирает он с призывом к новому поколению «много и упорно работать», «искать дорогу». Несмотря на некоторый схематизм повествования, произведение вызвало широкий интерес у читателей и критики.

Окончив в 1894 Дерптский ун-т, В. приезжает в Тулу, где занимается частной врачебной практикой. В том же году он отправляется в Петербург и становится ординатором Боткинской больницы. В это время В. начинает серьезно интересоваться марксистскими идеями, знакомится с марксистами. В 1897 он пишет повесть **«Поветрие»**, основу которой составляет напряженный спор-диалог между молодыми марксистами (Наташа Чеканова, Дав) и представителями народнической интеллигенции (Киселев, доктор Троицкий). Тезису об «исторической необходимости», которой следует не только подчиниться, но и содействовать, доктор Троицкий проти-

В. В. Вересаев

вопоставляет мысль о том, что «нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда кругом так много насущного дела», «жизнь сложнее всяких схем».

Вслед за **«Поветрием»** В. создает серию рассказов о деревне (**«Лизар»**, **«В сухом тумане»**, **«В степи»**, **«К спеху»** и др.). В. не ограничивается описанием бедственного положения крестьян, он хочет правдиво запечатлеть их мысли, нравы, характеры. Уродливость нищеты не заслоняет и не отменяет у него идеала природного и человеческого. В рассказе **«Лизар»** (1899), особо отмеченном Чеховым, социальная тема «сокращения человека» (бедняк Лизар сожалеет о «переизбытке» людей на клочке земли и ратует за то, чтобы «почистить народ», тогда «жить свободнее станет») переплетается с мотивами вечного торжества природной жизни («Жить, жить,— жить широкой, полной жизнью, не бояться ее, не ломать и не отрицать себя,— в этом была та великая тайна, которую так радостно и властно раскрывала природа»). По манере повествования рассказы В. о деревне близки очеркам и рассказам Г. Успенского (особенно из книги **«Власть земли»**). В. не раз отмечал, что Г. Успенский был его любимым русским писателем.

В 1900 В. закончил одно из самых известных своих произведений, над которым работал с 1892,— **«Записки врача»**. Основываясь на своем личном опыте и опыте своих коллег, В. с тревогой констатировал: «Люди не имеют даже самого отдаленного представле-

ния ни о жизни своего тела, ни о силах и средствах врачебной науки. В этом — источник большинства недоразумений, в этом — причина как слепой веры во всемогущество медицины, так и слепого неверия в нее. А то и другое одинаково дает знать о себе очень тяжелыми последствиями». Один из критиков, назвавший книгу «заявлением о прекрасном беспокоействе русской совести», свидетельствовал: «Человеческий муравейник весь всколыхнулся и заволновался перед исповедью молодого врача, который <...> изменил профессиональной тайне и вынес на свет Божий и орудия борьбы, и психику врача, и все противоречия, перед которыми изнемогал он сам». В этой исповеди отразились все основные черты творчества В.: наблюдательность, беспокойный ум, искренность, независимость суждений. Заслугой писателя стало и то, что мн. вопросы, над которыми бьется герой «Записок», рассматриваются им не только в сугубо медицинском, но и в этическом, социально-философском плане. Все это обеспечило книге огромный успех. Форма «Записок врача» представляет собой органичное соединение беллетристического повествования и элементов публицистики.

В. стремится расширить сферу худож. отражения жизни. Так, он пишет состоящую из двух частей остросоциальную повесть **«Два конца»** (1899–03). В образе ремесленника Колосова (**«Конец Андрея Ивановича»**) В. хотел показать рабочего-мастерового, в глубине души которого «было что-то благородное и широкое, тянувшее его на простор из тесной жизни». Но все благие порывы героя никак не согласуются с мрачной реальностью, и он, измученный безысходными противоречиями, погибает.

Повесть **«На повороте»** (1901) явилась очередной попыткой В. осмыслить русское революционное движение. Здесь вновь сталкиваются мнения тех, кому найденный революционный путь кажется книжным, надуманным (Токарев, Варвара Васильевна), и тех, кто безоглядно верит в революцию (Таня, Сергей, Борисоглебский). Для позиции самого писателя накануне первой русской революции были характерны сомнения в том, что люди созрели для «взрывного» переустройства общества; ему казалось, что человек еще очень несовершенен, в нем слишком сильно биологическое начало.

Летом 1904 В. в качестве врача был призван в армию и до 1906 находился в Маньчжурии, на полях русско-японской войны. Свои мысли, впечатления, переживания, связанные с этими событиями, он отразил в цик-

ле **«Рассказы о японской войне»** (1904–06), а также в книге, написанной в жанре записок, — **«На войне»** (1906–07). Это были своеобразные «записки врача», в которых В. запечатлел весь ужас и страдания войны. Все описанное подводило к мысли о том, что нелепости общественного устройства достигли угрожающих размеров. В. все больше размышляет о реальных путях преобразования действительности и человека. Результатом этих раздумий стала повесть **«К жизни»** (1908), в которой нашла первоначальное воплощение вересаевская концепция «живой жизни». В. так объяснял замысел повести: «В долгих исканиях смысла жизни я в то время пришел, наконец, к твердым, самостоятельным, не книжным выводам, <...> давшим собственное <...> знание, — в чем жизнь и в чем ее „смысл“. Я захотел все свои находения вложить в повесть...» Герой повести, Чердынцев, поглощен поисками смысла жизни для всех людей. Он хочет уяснить, насколько радость и полнота бытия человека зависят от внешних условий и обстоятельств. Пройдя долгий путь опыта, исканий, сомнений, Чердынцев обретает твердую веру: смысл жизни — в самой жизни, в самом природном течении бытия («Вся жизнь сплошь была одною непрерывно развертывающейся целью, убагавшею в солнечную ясную даль»). Ненормальное устройство общества часто лишает жизнь человека этого изначального смысла, но он есть, его нужно уметь чувствовать и хранить в себе. В. поражало то, «как люди способны калечить своими нормами и схемами живую человеческую жизнь» (**«Записки для себя»**).

Основные темы и мотивы повести нашли развитие в философско-критическом исследовании, которому В. дал программное название — **«Живая жизнь»**. Первая его часть посвящена творчеству Л. Толстого и Ф. Достоевского (1910), вторая — **«Аполлон и Дионис»** — главным образом анализу идей Ф. Ницше (1914). В. противопоставляет Толстого Достоевскому, признавая, однако, правду за обоими художниками. Человек для Достоевского, считает В., — «вместилище всех самых болезненных уклонений жизненного инстинкта», а жизнь — «хаотическая гряда разъединенных, ничем между собою не связанных обломков». В Толстом, напротив, он видит здоровое, светлое начало, торжество «живой жизни», которая «представляет высочайшую ценность, полную таинственной глубины». Книга представляет несомненный интерес, но нужно учитывать, что В. порой «подгоняет» идеи и образы писателей под свою концепцию.

События 1917 В. воспринял неоднозначно. С одной стороны, он увидел силу, пробудившую народ, а с другой — стихию, «взрыв» подспудных темных начал в массах. Тем не менее В. довольно активно сотрудничает с новой властью: он становится председателем худож.-просветительской комиссии при Совете рабочих депутатов в Москве, с 1921 работает в лит. подсекции Гос. ученого совета Наркомпроса, а также является редактором худож. отдела ж. «Красная новь». Вскоре его избирают председателем Всероссийского союза писателей. Главный творческий труд тех лет — роман «**В тупике**» (1920–23), одно из первых произведений о судьбах русской интеллигенции в годы Гражданской войны. Писателя волновала в романе тема крушения традиционного гуманизма. Он осознал неизбежность этого крушения, но принять не мог.

После этого романа В. на некоторое время отдалается от современности. В мае 1925 в письме М. Горькому он сообщает: «Я махнул рукою и занялся изучением Пушкина, писанием воспоминаний,— самое стариковское дело». В 1926 В. выпускает 2-томное изд. «**Пушкин в жизни**», дающее богатый материал для изучения биографии поэта. Это свод биографических реалий, почерпнутых из различных документов, писем, мемуаров. В начале 1930-х по предложению М. Булгакова приступил к совместной работе над пьесой о Пушкине; впоследствии работу эту оставил из-за творческих разногласий с М. Булгаковым. Результатом дальнейшей работы В. стали книги «**Гоголь в жизни**» (1933), «**Спутники Пушкина**» (1937). В 1929 выходят «**Гомеровы гимны**», сб. переводов (Гомер, Гесиод, Алкей, Анакреон, Платон и др.). За эти переводы В. был удостоен РАН Пушкинской премии.

В 1928–31 В. работает над романом «**Сестры**», в котором стремился показать реальную повседневную жизнь молодых интеллигентов и рабочих в эпоху первой пятилетки. Одну из существенных закономерностей того времени героиня романа Лелька Ратникова сформулировала для себя так: «...тут есть общий какой-то закон: кто глубоко и сильно живет в общественной работе, тому просто некогда работать над собою в области личной нравственности, и тут у него все очень путанно...» Роман, однако, получился несколько схематичным: В. осваивал новую действительность скорее идеологически, нежели художнически.

В 1937 В. начинает огромную работу по переводу «Илиады» и «Одиссеи» Гомера

(более 28 000 стихов), которую завершает уже через четыре с половиной года. Перевод, близкий духу и языку подлинника, был признан знатоками серьезным достижением автора. Изданы были переводы уже после смерти писателя: «Илиада» — в 1949, а «Одиссея» — в 1953.

В последние годы жизни В. создает в основном произведения мемуарных жанров: «**Невыдуманные рассказы**», «**Воспоминания**» (о детстве и студенческих годах, о встречах с Л. Толстым, Чеховым, Короленко, Л. Андреевым и др.), «Записи для себя» (по словам автора, это «нечто вроде записной книжки, куда входят афоризмы, отрывки из воспоминаний, различные записи интересных эпизодов»). В них отчетливо проявилась та «связанность с жизнью», к которой В. всегда тяготел в своем творчестве. В предисл. к «Невыдуманным рассказам о прошлом» он писал: «С каждым годом мне все менее интересными становятся романы, повести и все интереснее — живые рассказы о действительно бывшем...» В. стал одним из родоначальников жанра «невыдуманных» рассказов-миниатюр в советской прозе.

Упорно доискиваясь правды в вопросах, которые его волновали, В., завершая свой творческий путь, по праву мог сказать о себе: «Да, на это я имею претензию,— считаться честным писателем».

Соч.: ПСС: в 12 т. М., 1928–29; СС: в 5 т. М., 1961; Соч.: в 2 т. М., 1982; Пушкин в жизни. М., 1925–26; Спутники Пушкина. М., 1937; Гоголь в жизни. М., 1933; 1990; Невыдуманные рассказы. М., 1968; Тула, 1979; В тупике. Сестры. М., 1990.

Лит.: Вржосек С. Жизнь и творчество В. В. Вересаева. Л., 1930; Силенко А. Ф. В. В. Вересаев: Критико-биографический очерк. Тула, 1956; Гейзер И. М. В. Вересаев: Писатель-врач. М., 1957; Бровман Г. В. В. В. Вересаев: жизнь и творчество. М., 1959; Бабушкин Ю. В. В. Вересаев. М., 1966; Нольде В. М. Вересаев: жизнь и творчество. Тула, 1986.

В. Н. Быстров

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович [20.12.1951, пос. Ветрино Витебской обл., БССР] — поэт, прозаик.

Родился в семье офицера-танкиста, участника Великой Отечественной войны, мать — из крестьян, служащая железнодорожных войск. Детство прошло в военных гарнизонах Белоруссии, Украины, Германии, России. Своей «малой родиной» В. считает г. Шую Ивановской области, где в 1968 окончил среднюю школу. Учился в Московском авиа-